

Н. М. ПИРУМОВА

М. Бакунин или С. Нечаев?

I

В июле 1871 года в Петербурге происходил судебный процесс над группой революционеров.

Стенографические отчеты о заседаниях судебной палаты «по делу о заговоре, составленном с целью ниспровержения существующего порядка управления в России» печатались во многих газетах и прежде всего в «Правительственном вестнике». Подобная гласность не была в обычае в те времена. Но на этот раз сам обвинительный материал, как думали в правящих кругах, мог содействовать разоблачению революционеров в глазах общества.

«Быстрое и подробное печатание отчетов заседаний в “Правительственном вестнике” будет иметь, по моему глубокому убеждению, самое благотворное влияние на присутствующую публику», — писал в докладе царю управляющий министерством юстиции О. В. Эссен. «Дай Бог!» — гласила лаконичная резолюция Александра II*.

И действительно, на этот раз в руках правительства оказался материал беспрецедентный в истории русского революционного движения. Речь шла о деятельности и программных документах общества «Народной расправы». Созданная осенью 1869 года организация эта ставила своей целью ниспровержение существующего строя, но методы, которыми действовали ее члены, могли вызвать лишь гнев и возмущение общественности. Иезуитские приемы, обман народа, террор по отношению к инакомыслящим возводились в принципы революционной борьбы; внедрялась система взаимного шпионажа и шантажа. 21 ноября 1869 года группой участников

* См. Б. С. Итенберг. Движение революционного народничества. М., 1965, стр. 134.

общества был убит член организации студент Иванов, выразивший несогласие с подобными способами борьбы и на этом основании обвиненный в предательстве.

Это убийство, которое квалифицировалось судом как уголовное, и «Катехизис революционера», представлявший собой свод правил для руководства участнику движения, давали основание правительственному лагерю надеяться на успех процесса.

«Катехизис» был обнаружен среди других бумаг при обыске на квартире П. Г. Успенского. Он представлял собой «печатную в 16-ю долю листа книжку на иностранном языке, как бы на итальянском», — так значилось в протоколе обыска. Во время следствия Успенский показал, что книжка написана шифром. Тогда комиссия сенатора Чемодурова¹ (ведшая следствие) отправила этот документ в министерство иностранных дел, прося «поручить сведущему лицу заняться переводом книжки для определения, что именно она в себе содержит». Обнаруженный вслед за этим в записной книжке другого члена организации, А. К. Кузнецова², ключ к шифру помог прочесть документ. В 162-м номере «Правительственного вестника» «Катехизис» был опубликован полностью. Более пятидесяти лет исследователи пользовались этим текстом. Только в 1924 году при разборке секретного архива Третьего отделения был найден еще один зашифрованный экземпляр. Историк А. Шилову³ при участии А. Ф. Добрянского удалось заново дешифровать этот документ, внеся в него ряд уточнений. Вот этим уточненным текстом мы и будем пользоваться далее.

В разделе первом об отношении революционера к самому себе «Катехизис» требовал полного отречения от всех форм личной и общественной жизни, презрения к общественному мнению, ненависти к общественной нравственности. «Нравственно для него все, что способствует торжеству революции. Безнравственно и преступно все, что мешает ему».

Раздел об отношении к товарищам по революции гласил: «Мера дружбы, преданности и прочих обязанностей в отношении к... товарищу определяется единственной степенью полезности в деле всеразрушительной практической революции». Товарищи не все равны. У каждого посвященного «должно быть под рукой несколько революционеров второго и третьего разрядов», то есть «не совсем посвященных», на которых он должен смотреть как на часть «революционного капитала», отданного в его распоряжение.

Третий раздел был посвящен отношению революционера к обществу. Здесь объяснялось, что революционер живет в обществе, имея целью лишь его беспощадное разрушение. Имея в виду эту конечную

цель, он должен притворяться для того, чтобы проникать всюду во все слои «высшие и средние, в купеческую лавку, в церковь, в барский дом, в мир бюрократический, военный, в литературу, в Третье отделение и даже в Зимний дворец». Все общество должно быть разделено на несколько категорий. «Первая категория — неотлагаемо осужденных на смерть. Да будет составлен товариществом список таких осужденных по порядку их относительной зловредности для успеха революционного дела, так чтобы предыдущие нумера убралась прежде последующих...

Вторая категория должна состоять именно из тех людей, которым даруют только временно жизнь, дабы они рядом зверских поступков довели народ до неотвратимого бунта...

К третьей категории принадлежит множество высокопоставленных скотов или личностей, не отличающихся ни особенным умом и энергией, но пользующихся по положению богатством, связями, влиянием и силой. Надо их эксплуатировать всевозможными манерами и путями, опутать их, сбить их с толку, и, овладев по возможности их грязными тайнами, сделать их своими рабами.

... Четвертая категория состоит из государственных честолюбцев и либералов с разными оттенками. С ними можно конспирировать по их программам, делая вид, что слепо следуешь за ними, а между тем прибирать их в руки, овладеть всеми их тайнами, скомпрометировать их донельзя, так чтобы возврат был для них невозможен, и их руками мутить государство.

Пятая категория — доктринеры, конспираторы и революционеры в празддно-глаголющих кружках и на бумаге. Их надо беспрестанно толкать и тянуть вперед, в практические головоломные заявления, результатом которых будет бесследная гибель большинства и настоящая революционная выработка немногих...

Шестая и важная категория — женщины, которых должно разделить на три главных разряда.

Одни — пустые, бессмысленные и бездушные, которыми можно пользоваться, как третьей и четвертой категорией мужчин. Другие — горячие, преданные, способные, но не наши, потому что не доработались еще до настоящего бесфазного и фактического революционного понимания. Их должно употреблять как мужчин пятой категории.

Наконец, женщины совсем наши, то есть вполне посвященные и принявшие всецело нашу программу. Они нам товарищи. Мы должны смотреть на них, как на драгоценнейшее сокровище наше, без помощи которых нам обойтись невозможно».

Вслед за этим шел последний раздел — об отношении к народу. Провозглашая конечную цель: «Полнейшее освобождение и счастье

народа», «Катехизис» призывал соединяться «с теми элементами народной жизни», которые всегда прямо или косвенно выражали свой протест против государства и общества. «Соединимся с лихим разбойничьим миром, этим истинным и единственным революционером в России»*.

Направленность «Катехизиса» не только против правительства, но и против общества была очевидна. Именно на это решил опереться и реакционный публицист М. Н. Катков. В передовой статье «Правительственного вестника» он доказывал, что общество не может быть нейтральным в борьбе между «существующим порядком и идеей, которая навязывается молодому поколению».

«Послушаем, — писал он, — как русский революционер понимает сам себя. На высоте своего сознания он объявляет себя человеком без убеждений, без правил, без чести. Он должен быть готов на всякую мерзость, подлог, обман, грабеж, убийство и предательство. Ему разрешается быть предателем даже своих соумышленников и товарищей... Не чувствуете ли вы, что под вами исчезает всякая почва? Не очутились ли вы в ужасной теснине между умопомешательством и мошенничеством?»**

Но весь пафос Каткова, все усилия обвинения оказались напрасными. Участники движения решительно высказывались против применения подобных идей. Согласно их показаниям содержание «Катехизиса» не было известно им до процесса.

Стенографические отчеты, печатаемые в прессе, дали возможность широким кругам общественности познакомиться как с мыслями, так и с другими документами революционной организации, узнать о причинах, порождающих само движение. Вышло так, что правительство само помогло пропаганде революционных идей.

Царь был весьма недоволен результатом процесса. «Однако же хорошие ожидания твои по нечаевскому делу не оправдались», — сказал он О. В. Эссену.

Из 79 человек, привлеченных к процессу, четверо были приговорены к каторжным работам, двое — к ссылке в Сибирь, 30 — к тюремному заключению, остальные оправданы.

Но ни сам процесс, ни тем более последующий приговор не разрешили вопроса о появлении идей иезуитства и мистификации в русском революционном движении; не был установлен и автор «Катехизиса». Это обстоятельство способствовало возникновению различных мнений в исторической литературе.

* «Борьба классов», 1924, № 1–2, стр. 168–271.

** «Правительственный вестник», 1871, № 162.

Но как современники, так и позднейшие исследователи могли выбирать из двух возможных вариантов: или М. А. Бакунин, или С. Г. Нечаев*.

II

Михаил Александрович Бакунин был крупнейшим революционером-анархистом, широко известным как в России, так и в Западной Европе. Его легендарная биография, личное мужество и безраздельная преданность идее освобождения человечества от всех форм угнетения и эксплуатации привлекали к нему умы и сердца людей.

В 1869 году он жил в Швейцарии, творя грандиозные революционные планы, рассылая своих эмиссаров в различные страны Европы, призывая к немедленным революционным акциям.

В марте к нему явился неизвестный еще на Западе, но уже популярный в среде русского революционного студенчества Сергей Геннадиевич Нечаев.

Человек далеко не заурядный, Нечаев обладал железной волей, фанатической преданностью по-своему понятому революционному делу, непреклонной верой в свою правоту, в правильность избранного им пути. Кроме своеобразно трактуемого революционного дела, цель которого — до конца разрушить «этот поганый строй», Нечаев не имел иных мыслей, чувств, желаний, стремлений. Личность и взгляды этого фанатика революции почти не изучены в нашей литературе. Родился и вырос он в Иваново-Вознесенске в мещанской семье. Рано начав самостоятельную жизнь, зарабатывал тем, что писал вывески для ивановских купцов.

В 1866 году, приехав в Петербург и сдав экзамен на звание народного учителя, он обосновался в Сергиевском приходском училище. С 1868 года Нечаев стал частым посетителем студенческих кружков, которых в то время было множество. Так, З. Ралли рассказывает, как Нечаев появился в студенческой коммуне Медико-хирургической академии, стремясь познакомиться со старыми номерами «Коло-

* Фр. Меринг. К. Маркс. История его жизни. Пг., 1920; Тун. История революционных движений в России. Пг., 1920; Б. Козмин. П. Н. Ткачев и революционное движение 1860-х годов. М., 1922; Ю. Стеклов. Михаил Александрович Бакунин, т. III. М., 1927; F. Yen turi il populismo russo, v. 1-2. Torino, 1952; E. Carr. Michael Bakunin, New-York, 1961 — считали автором Бакунина. Богучарский. Активное народничество 70-х гг. М., 1912; А. Карелин. Жизнь и деятельность М. А. Бакунина. М., 1919; М. Неттлау. Жизнь и деятельность М. Бакунина. П., 1920; А. Гамбаров. В спорах о Нечаеве. М.; Л., 1926 — высказывались за авторство Нечаева.

кола», которые там часто читали. Причем Нечаева интересовал не весь «Колокол», а лишь статьи о каракозовском деле*.

Став своим человеком в кружке, Нечаев принимал участие в совместном чтении и другой литературы. Это были книги Луи Блана, Карлейля⁴, Рошфора⁵, статьи «Отечественных записок» о Роберте Оуэне, работа Буонарроти⁶ о заговоре Бабефа. «Эта последняя книга произвела на некоторых из нас потрясающее впечатление, и мы заговорили об организации политического общества в России», — пишет З. Ралли. Очевидно, в общих чертах познакомился Нечаев тогда же и с деятельностью и идеями Робеспьера⁷, о котором часто шла речь между студентами, а его портреты наряду с портретами Сен-Жюста⁸ вывешивались на стенах во время сходок.

По свидетельству Ралли, «Исповедь» Руссо⁹ и «Речи» Робеспьера были теми двумя книгами, с которыми Нечаев явился к нему впоследствии, бежав от преследования швейцарской полиции.

В 1926 году, отвечая на вопрос Б. Николаевского¹⁰, спросившего его о взглядах Нечаева, Ралли сообщал, что Нечаев был «просто республиканец, поклонявшийся Робеспьеру, каким изображал он его себе по тому, что знал из чтения нескольких книг»**.

Помимо определенного круга чтения, на формирование взглядов Нечаева повлияли и конкретные исторические события недавнего прошлого. Под последним мы имеем в виду прежде всего историю ишутинского «Ада», бесспорно сильно его заинтересовавшую. <...>

4 апреля 1866 года Д. В. Каракозов совершил покушение на царя.

Подчеркивая свою преемственность, идущую от этой группы, нечаевская прокламация «Народная расправа» гласила: «Начинание нашего святого дела было положено Дмитрием Владимировичем Каракозовым».

Определенный круг идейных влияний, а также личные черты характера Нечаева, могли, казалось, способствовать выработке у него тех взглядов, которые нашли свое выражение в «Катехизисе революционера».

Остановимся теперь на том, как представлялся процесс складывания иезуитской системы Нечаева Бакунину. Свидетельство его, бесспорно, авторитетно.

Явившись в Швейцарию (март 1869 года) и сблизившись с Бакуниным, Нечаев поселился у него. Более четырех месяцев они почти каждую ночь проводили в разговорах «о всевозможных вопросах».

* З. Ралли. Сергей Геннадиевич Нечаев. «Былое», № 7, 1906, стр. 137.

** Б. Николаевский. Памяти последнего «якобинца»-семидесятника. «Каторга и ссылка», 1926, № 2 (23), стр. 217.

Старый ветеран революции был очарован этим «юным фанатиком». Начался период их совместной деятельности. Из-под пера Бакунина и Нечаева появился ряд листовок и брошюр, призывающих к немедленной революции, объясняющих цели, методы и задачи ее. Более полутора лет Бакунин находился под известным обаянием сильной личности Нечаева и, безусловно, во всем верил ему. Но вот в июне 1870 года начался их разрыв, о котором речь впереди. И тогда-то, зная почти всю правду о Нечаеве, но все еще чрезвычайно высоко ценя его ум, энергию, а главное, беспредельную преданность делу, Бакунин в письме к друзьям попытался смоделировать и в какой-то степени объяснить взгляды своего недавнего соратника.

«...В нем все: и ум, и сердце, и воля — а сердца и воли в нем много — все подчинено главной страсти разрушения настоящего порядка вещей; а следовательно, его ранней мыслью должно было быть создание организации или коллективной силы, способной исполнить это великое дело разрушения — составление заговора». Далее следует текст, весьма характерный для самого Бакунина:

«Кто на своем веку занимался составлением заговоров, — пишет со знанием дела этот старый заговорщик, — тот знает, какие страшные разочарования встречаются на этом пути: вечная несоразмерность между громадностью цели и мизерностью средств, недостаток и незнание людей: сто промахов на один порядочный выбор, один серьезный человек на 100 пустоцветов и пустозвонов».

Особенно невероятно трудно создать тайное общество в России, где нет «объединяющей страсти ...где развращающим образом продолжает еще действовать византийское благословение и где, с другой стороны, научная критика, успевшая разрушить старую нравственность, не успела еще создать нравственности новой, где научное отрицание свободного произвола объясняется большинством молодежи в смысле снисходительно-объективного созерцания своих собственных пакостей и имеет результатом естественным распущенность и обмельчание характеров, отсутствие всякой сосредоточенной страсти воли».

Итак, в подобной обстановке человек, стремящийся создать тайную организацию и понимающий, что «молодые люди не умеют и не хотят сплотиться свободно», приходит к неизбежному заключению, что сплотить их надо помимо «их знания и воли, и для того, чтоб эта организация, основанная наполовину на насилии и на обмане, не рушилась, надо их опутать и скомпрометировать, чтоб возврат для них стал невозможным».

Изложив так представления Нечаева, Бакунин констатирует: «Вот первый естественный шаг к иезуитской системе». Далее Бакунин

перечисляет человеческие достоинства Нечаева, характеризующиеся главным образом его полной самоотреченностью, а также наличием «нежного сердца».

«Каким же образом, — восклицает Бакунин, — он мог дойти в своих действиях и до наглой лжи, и до беспрозрачной интриги, и до беспощадного эксплуатирования и компрометирования своих лучших друзей? А систему? Не позабудьте систему. Раз убедившись, разумеется ошибочно, в необходимости употребления иезуитских правил и средств *внутри* организации — заметьте, что я не говорю о их *внешнем* употреблении, которое часто становится необходимым... — раз убедившись в необходимости принять иезуитскую систему, он предался ей *по долгу*... Чем более он чувствовал в себе самую склонность к личной страстной привязанности, тем фанатичнее стал он преследовать их в себе и в других»*.

Психологический вариант, предложенный Бакуниным, не лишен известной логики. Но более подробный анализ взглядов Нечаева не входит в наши задачи, а потому вернемся к «Катехизису».

Этот документ появился на свет в период совместного творчества Бакунина и Нечаева. Вопрос об его авторстве, таким образом, неизбежно свелся к трем вариантам:

- 1) Бакунин, 2) Нечаев, 3) Бакунин и Нечаев.

III

<...>

«Между автором “Катехизиса” и Нечаевым есть громадная разница, — говорил Спасович¹¹, — а именно такая, какая существует между революционером дела и революционером мысли. Нечаев был прежде всего революционером дела. Между тем в авторе “Катехизиса” мы видим теоретика, который на досуге, вдали от дела, сочиняет революцию, графит бумагу, разделяет людей на разряды по этим графам, одних обрекает на смерть, других предлагает ограбить, третьих запугать и т. д. Это чистейшая отвлеченная теория... Таким образом, я полагаю, что “Катехизис” есть эмиграционное сочинение, произведенное на Нечаева известное впечатление и принятое им во многих частях к руководству. Я не смею приписывать его Бакунину, но, во всяком случае, происхождение его эмиграционное»**.

Приводя это выступление защитника, хотелось бы заметить, что объяснение «эмиграционным» или вообще западным влиянием про-

* Cahiers du monde Russe et Soviétique, 1-er Cahier, 1967, стр. 104–108.

** В. Д. Спасович. Соч., т. V, стр. 149–150.

исхождение тех или иных дурных идей всегда было в большом ходу в русских правящих кругах. Именно на это и рассчитывал Спасович, а потому свидетельство его, сделанное с определенным умыслом, не следует считать серьезным доказательством.

Обратимся теперь к воспоминаниям ближайших соратников Бакунина З. Ралли и М. Сажина.

Первый из них, рассказывая о той «головомойке», которую устроил ему Бакунин за намерение организовать побег арестованного Нечаева, приводит слова, сказанные ему во время этого разговора: «Когда революционер стремится спасти кого-нибудь из беды, он должен взвесить пользу, приносимую спасаемым, с одной стороны, а с другой — ту трату революционных сил, которые нужны для его спасения», — так, по словам Ралли, сказал ему Бакунин. «Формулировка этого обвинения, — продолжает Ралли, — поразила меня своей тождественностью с текстом старой нечаевской программы, которая, конечно, позже была переработана по-своему на семинарский язык Сергеем Геннадиевичем»*.

Само рассуждение о способах траты революционных сил не кажется нам худшим местом в тексте «Катехизиса», и если Бакунин действительно придерживался этой точки зрения, то это не доказывает еще его авторства документа в целом. Несколько серьезней звучит утверждение Сажина, который вспоминает, что при разборке архива арестованного Нечаева в особом пакете он обнаружил «известный революционный “Катехизис”, писанный весь рукою Бакунина. Все это было тогда же сожжено»**.

При оценке этого свидетельства следует иметь в виду, что писалось оно много лет спустя человеком, который не только отошел от своего учителя, но, по существу, бросил его в тяжелое для него время, перейдя на сторону тех, кто осуждал неудачные акции старого революционера.

Допуская при этом возможность объективности и точности воспоминаний, можно предположить, что «Катехизис» действительно был переписан Бакуниным, т. к. вызвал у него определенный интерес.

Обратим внимание и на свидетельство другой современницы — А. Успенской¹², близко знавшей Нечаева и считавшей автором «Катехизиса» Бакунина. В ее системе доказательств следующие аргументы: 1) известное уже воспоминание Ралли, 2) мнение С. Перовской¹³.

«На первом же свидании при разговоре о Нечаеве в 1881 году она (Перовская. — Н. П.) сказала, что в революционных кругах взгляд на него сильно изменился, что многое из того, что приписывалось

* З. Ралли. Сергей Геннадиевич Нечаев. «Былое», 1906, № 7, стр. 137.

** М. П. Сажин. Воспоминания. М., 1925, стр. 73–74.

Нечаеву, делали другие, главным образом Бакунин, написавший программу, за которую так много нападали на Нечаева»*.

О воспоминаниях Ралли мы говорили выше; что же касается слов С. Перовской, то здесь следует иметь в виду, что, не зная лично ни Бакунина, ни Нечаева, она расценивала их деятельность с народовольческих позиций. Бакунин с его отрицанием политической борьбы был неприемлем для народovolьцев. Нечаев же, находившийся уже десятый год в Алексеевском равелине, проявивший в тех страшных условиях чудеса выдержки и мужества, распропагандировавший собственную охрану и установивший регулярные связи с Исполнительным комитетом, вызывал большое уважение со стороны народovolьцев.

Не ограничиваясь мнениями Ралли и Перовской, Успенская сама пытается доказать, что до отъезда Нечаева за границу ни о каком «Катехизисе» еще не могло быть и речи, что его не существовало ни в уме Нечаева, ни вообще в России и что никто из обвиняемых до процесса не подозревал о существовании подобных идей.

Последнее утверждение Успенской свидетельствует лишь, как мы убедимся дальше, о недостаточном знакомстве мемуаристки с событиями, современницей которых она была.

Среди большой литературы, создавшейся вокруг этой проблемы, наиболее настойчиво об авторитете Бакунина писали Ю. В. Стеклов и Б. П. Козьмин. Среди их аргументов фигурировали те же свидетельства современников (хотя ни одного прямого свидетеля в этом деле нет), элементы текстологического анализа и, наконец, определенные психологические построения. Последний метод доказательства привел Б. П. Козьмина к выводу о том, что в документ, написанный в целом Бакуниным, «макиавеллизм и иезуитство» попали от Нечаева, т. к., несмотря на «известную двойственность» Бакунина, в общем ему свойственны не были.

IV

Оставим на время свидетельства современников и мнения историков, предоставим слово самому обвиняемому — М. А. Бакунину. Его истинное отношение к «Катехизису» стало известно исследователям лишь спустя сто лет после появления этого документа. Ни Б. П. Козьмин, ни Ю. В. Стеклов не стали бы, нам кажется, настаивать на авторстве Бакунина, если бы в руках их было письмо Бакунина Нечаеву от 2 июня 1870 года.

* А. Успенская. Воспоминания шестидесятницы. «Былое», 1922, № 18, стр. 39.

О существовании документа знали все исследователи этой проблемы. Знали потому, что Бакунин не раз упоминал о нем* в переписке с другими лицами и говорил, что копия его «хранится у друзей в Женеве». Однако все попытки найти письмо были безуспешными, да и надежд здесь было мало, т. к. весь архив Нечаева, по свидетельству М. П. Сажина, был сожжен. Но вот в 1934 году в Крымцентрархиве В. Гребенщиковым была обнаружена брошюра С. Серебрянникова¹⁴ о С. Нечаеве. В этой рукописи автор несколько раз цитировал исчезнувшее письмо Бакунина.

Ю. Стеклов, опубликовавший этот документ в «Каторге и ссылке», счел эти цитаты весьма значительными и назвал появление на свет хотя бы части утерянного письма «праздником для всех историков русских общественных движений и особенно для бакуниноведов»**.

По объему цитаты из письма Бакунина занимали 1/5 печ. листа. Не знал тогда Стеклов, что текст всего письма превышает 4 печатных листа и что содержание его выходит далеко за рамки некоторых вопросов, о которых упоминал Серебрянников! Но многое из того, что порой кажется безнадежно утерянным, рано или поздно появляется на свет. Так случилось с этим документом. Да и найдено-то оно было в общем там, где ему и положено было быть, — в бумагах дочери А. И. Герцена — Н. А. Герцен.

9 июня 1870 года, пересылая свое крупнейшее послание С. Г. Нечаеву через своих друзей (Н. П. Огарева, А. С. Озерова, С. С. Серебрянникова и Н. А. Герцен), Бакунин просил их снять копию и сохранить ее. Значительная часть письма переписана Татой (Н. А. Герцен) и конец документа — С. Серебрянниковым. Таким образом копия и осталась естественно в архиве Н. А. Герцен, игравшей в последние годы жизни А. И. Герцена и после его смерти большую роль в ведении переписки и хранении разных бумаг как своего отца, так и его ближайших друзей и корреспондентов.

В Национальной библиотеке Парижа в отделе рукописей, где хранится значительная часть архива А. И. Герцена, документ этот и был обнаружен. Опубликован он М. Конфино¹⁵ в «Cahiers du monde Russe et Soviétique» № 4 в 1966 году.

Письмо чрезвычайно интересно. Оно охватывает большой круг проблем, по-новому освещает различные аспекты взглядов и деятель-

* Так, например, 19 авг. 1870 г. Бакунин писал Мрочковскому: «Жаль, что я не могу послать тебе копии большого письма к нему (Нечаеву), написанному мной из Локарно». Письма М. А. Бакунина к А. И. Герцену и Н. П. Огареву. СПб., 1906, стр. 406.

** «Каторга и ссылка», 1934, № 3, стр. 13.

ности Бакунина, проливает свет на мало известные, но весьма важные детали его биографии*. Однако, не имея возможности проанализировать содержание этого документа в целом, остановимся лишь на предмете нашего исследования — «Катехизисе революционера».

Написанное накануне разрыва со своим недавним соратником, письмо пронизано главной, основополагающей идеей отрицания нечаевщины: недопустимости нечаевской тактики, его средств и методов борьбы.

Моральные и нравственные принципы, существование которых в системе взглядов Бакунина подвергалось сомнению многими исследователями, представлены здесь в полном объеме.

Уже зная всю правду о Нечаеве, представляя себе, в какую бездну обмана и мистификации вовлек его этот человек, Бакунин еще не может отрешиться от определенной привязанности к этому фанатику революции.

«Я и мы все горячо любим и глубоко уважаем Вас, именно потому, что никогда еще не встречали человека столь отреченного от себя и так всецело преданного делу, как Вы.

Но ни эта любовь, ни это уважение не могут помешать мне сказать Вам откровенно, что — система обмана, делающаяся все более и более главной, исключительной системой, вашим главным оружием и средством, гибельна для самого дела»**.

И далее, переходя непосредственно к «Катехизису», Бакунин пишет: «Помните, как Вы сердились на меня, когда я называл Вас абреком, а ваш катехизис — катехизисом абреков. Вы говорили, что все люди должны быть такими, что полнейшее отречение от себя, от всех личных требований, удовлетворений, чувств, привязанностей и связей, должно быть нормальным, естественным ежедневным состоянием всех людей без исключения. Ваше собственное самоотверженное изуверство, ваш собственный истинно высокий фанатизм Вы хотели бы, да еще и теперь (хотите) сделать правилом общечития. Вы хотите нелепости, невозможности, полнейшего отрицания природы человека и общества. Такое хотение гибельно, потому что оно заставляет Вас тратить ваши силы понапрасну и стрелять всегда мимо. Но никакой человек, как бы он не был силен лично, и никакое общество, как бы совершенна не была его дисциплина, и как могуча не была его организация, никогда не будут в силах победить

* Так, например, сообщает новые сведения о роли Бакунина в инциденте с Любавиным, послужившем одним из поводов к исключению Бакунина из Интернационала.

** Cahiers du monde Russe et Soviétique, Cahier, 1966, стр. 626.

природу. Да, мой милый друг. Вы не материалист, как мы грешные, а идеалист, пророк, как монах Революции, вашим героем должен быть не Бабёф и даже не Марат¹⁶, а какой-нибудь Савонарола¹⁷. Вы по образу мыслей подходите больше... к иезуитам, чем к нам»*.

Итак, «катехизис абреков» не творение Бакунина. Напротив, он — сторонник тайной и глубоко законспирированной организации, предлагает совсем иные принципы объединения и революционной борьбы. <...>

«Иезуитский контроль, система полицейского опутывания и лжи решительно исключаются из всех 3-х степеней тайной организации: точно так же из уезд(ного) и област(ного), как и из Народ(ного) братства. Сила всего общества, равно как нравственность, верность, энергия и преданность каждого члена, основаны исключительно и всецело на взаимной истине, на взаимной искренности, на в(заимном) доверии и на открытом братском контроле всех над каждым»**.

Противопоставив, таким образом, свой свод правил, обязательных для революционеров («правда, честность, доверие между всеми братьями и в отношении (к) каждому человеку, который способен быть и которого Вы желали бы сделать братом»), нечаевскому «Катехизису», Бакунин еще раз пытается показать полную несостоятельность и аморальность иезуитизма как средства борьбы.

«Вы же, мой милый друг — и в этом состоит главная, громадная ошибка — Вы увлеклись системою Лойолы¹⁸ и Макиавелли¹⁹, из которых первый предполагал обратить в рабство целое человечество, а другой создать могущественное государство, все равно монархическое или республиканское, следовательно — так же народное рабство — влюбившись в полицейски-иезуитские начала и приемы, вздумали основать на них свою собственную организацию, свою тайную коллективную силу, так сказать душу и душу всего вашего общества — вследствие чего поступаете с друзьями, как врагами, хитрите с ними, лжете, стараетесь их разрознить, даже поссорить между собою, дабы они не могли соединиться против вашей опеки, ищете силы не в их соединении, а разъединении, и не доверяя им нисколько, стараетесь заручиться против них фактами, письмами, нередко Вами без права прочитанными, или даже уворованными, и вообще их всеми возможными способами опутать так, чтобы они были в рабской зависимости от Вас. И к тому же Вы делаете это так неуклюже, так <...> так неловко и (неосторожно), так опрометчиво и необдуманно, что все ваши обра-

* Cahiers du monde Russe et Soviétique, Cahier, 1966, стр. 632. Подчеркнуто мной. — Н. П.

** Там же, стр. 666–668.

ны, коварства и хитрости в самое короткое время выходят наружу. Вы так влюбились в иезуитизм, что забыли все другое, забыли даже ту цель, то страстное желание народного освобождения, которые привели Вас к нему. Одним словом, Вы стали играть в иезуитизм, как ребенок в цапку, как Утин в Революцию»*.

Весь тон этого безусловно искреннего письма, вся система идей и, наконец, прямое отрицание своего участия в авторстве «Катехизиса» говорят о непричастности Бакунина к тому явлению, которое вошло в литературу под именем нечаевщины.

Но кто же тогда автор этого документа?

Публикатор письма М. А. Бакунина С. Г. Нечаеву и автор большой вступительной статьи М. Конфино считает, что к созданию системы идей, выраженных в «Катехизисе», помимо Нечаева, причастен и П. Н. Ткачев. В доказательство он приводит документ, распространенный в студенческих кружках в 1869 году под названием «Программа революционных действий», и статью Ткачева 1868 года «Люди будущего и герои мещанства». В создании первого документа, бесспорно коллективного, возможно, принимали участие как Нечаев, так и Ткачев, однако нет оснований искать здесь аналогий с «Катехизисом». Провозглашение в качестве главной задачи «истребления гнезда существующей власти», признание революции «историческим законом», наконец, изложение самого плана революционных действий, рассчитанного на подготовку революции в 1870 году, — все это не есть еще нечаевщина.

Несколько больше оснований для аналогий имеет М. Конфино, когда обращается к статье П. Н. Ткачева, опубликованной в 4-м и 5-м номерах журнала «Дело» за 1868 год. На определенное сходство «людей будущего» (иными словами, революционеров) по Ткачеву с героями «Катехизиса» обратил внимание еще Б. П. Козьмин**. Действительно, ряд черт, которыми наделяет Ткачев «людей будущего», особенно их отношение к проблеме нравственности, в какой-то мере близко к требованиям, которые ставит перед революционерами «Катехизис».

Встав на зыбкую почву доказательства относительности нравственных правил, Ткачев пишет: «Есть, например, правило, запрещающее обманывать. Но случаи обмана весьма разнообразны: в одном случае от обмана не страдает ничей интерес, в другом — страдает интерес одного лица или нескольких лиц, в третьем — интерес целой партии или сословия, в четвертом — целого народа и т. п. Разумеется, важ-

* Cahiers du monde Russe et Soviétique, Cahier, 1966, стр. 676.

** См. Б. П. Козьмин. П. Н. Ткачев и революционное движение 1860-х годов. М., 1922, стр. 90–98.

ность несоблюдения правила, запрещающего обманывать, в каждом из этих случаев различна.

...Итак, если мы не хотим уронить свою мораль до уровня фарисейской морали, если мы не хотим превратить свою нравственность в сухую мертвую формалистику, мы должны признать за каждым человеком право относиться к предписаниям нравственного закона, при каждом случае прямого применения, *не догматически, а критически**.

Оправдание обмана, отказа от всех личных чувств и привязанностей в интересах общего революционного дела требует от «людей будущего» Ткачев. Можно сказать, что мысль его работала в какой-то мере в том же направлении, что и мысль Нечаева. Но лишь в какой-то мере. Последний пошел значительно дальше не только в оправдании обмана, но и возвел в принцип «революционной» борьбы шантаж, провокацию и убийства. Поэтому, нам кажется, не прав М. Конфино, видя в статье Ткачева главный источник нечаевского вдохновения.

Остановимся теперь на источнике, не учтенном еще исследователями, но вводящем в научный оборот новые данные о происхождении «Катехизиса», времени и месте его зарождения.

V

Перед нами рукопись. Пятнадцать больших тетрадей. Хранится она в отделе рукописей Государственной библиотеки имени В. И. Ленина**. Автор — Георгий Петрович Енишерлов²⁰. В литературе о нем известно немного. Участник студенческого движения 1868–1869 годов. Судился по процессу нечаевцев. Выл оправдан за недостатком улик. Впоследствии от революционного движения отошел. Воспоминания его «Моя исповедь», как он сам называет их, содержат, естественно, сведения куда более полные.

«В мире царит зло и неправда. Сильный угнетает слабого. Молот и наковальня», — вот к какому выводу приходит юный Енишерлов, тогда еще ученик харьковской гимназии.

Как же бороться против сложившегося порядка вещей?

«Против силы — насилие, против неправды — ложь, против интриг и козней — система Лайолы...²¹ Каждый должен немедленно делать что может: сидеть сложа руки — преступно».

Что явилось источником его взглядов — сказать трудно. Читал он в юношеские годы много, но ни книги Вольтера и Руссо,

* П. Н. Ткачев. Избр. соч., т. 1. М., 1932, стр. 195.

** Отдел рукописей Гос. библиотеки СССР им. В. И. Ленина. Ф. 100. Г. П. Енишерлов. Воспоминания, т. 1–15.

ни издания Герцена («Колокол» и «Полярная звезда»), ни статьи Чернышевского, казалось, не могли натолкнуть его на подобную программу действий. Так или иначе, но, собрав однажды своих товарищей, которых он считал единомышленниками, Енишерлов объявил им эту программу, «выдавая себя для большей внушительности за эмиссара.

Три-четыре первые наши сходки наградили меня успехом, превзошедшим мои самые пылкие ожидания.

Кроме двух частных возражений, принципиально все приняли мою теорию». <...>

В 1868 году Енишерлов стал вольнослушателем Технологического института в Петербурге, сблизился с несколькими студентами, познакомился и с участницей студенческого движения Е. Х. Томиловой²².

Как-то, раскрывая перед ней свои взгляды на методы революционной борьбы, он сказал и о своей теории «партийной честности» («абсолютной честности нет, а есть лишь партийная»).

«— Скажите правду, — живо спросила она. — От кого вы это все слышали?

— Ни от кого.

— Ну, так вычитали у Бакунина, да?

— Даю вам честное слово: я Бакунина не читал: читал я Герцена, Огарева, Чернышевского.

— Ну, у них ничего этого нет! Что же вы сами додумались, да?

— Да! — отвечал ей Енишерлов».

Через день после этого разговора состоялась сходка. «Никогда я с такой страстью не развивал моей программы, как в тот первый вечер», — вспоминал Енишерлов.

Однако речь его не получила прямой поддержки большинства собравшихся. «Их программа, — писал он, — была социалистически атеистическая пропаганда; разрушение всех верований и понятий народа — “этих пут, которыми его связали по рукам и ногам”, затем — с помощью восставшего народа — разрушение всего существующего строя с целью достигнуть анархического хаоса, из которого сам уже народ выработает строй будущей жизни». Споры разгорелись вокруг предложенных Енишерловым «заговоров», «военного coups d'etat, всякого рода покушения на личности», «иезуитского пути». «Только один, — пишет Енишерлов, — худой, с озлобленным лицом и сжатым судорогою ртом, безбородый юноша, горячо пожав мне руку, сказал: “С вами — навсегда, прямым путем ничего не поделаешь: руки свяжут... Именно — иезуитчины-то нам до сих пор и недоставало; спасибо, вы додумались и сказали. Я — ваш”.

Это был тогда еще вовсе безвестный народный учитель Сергей Геннадиевич Нечаев»*.

Все собравшиеся решили попытаться достигнуть компромисса путем ответов на основные программные вопросы. <...>

Ненависть к Нечаеву привела Енишерлова к тому, что, находясь под следствием, 5 марта 1870 года он написал следующее заявление: «Вдумавшись в обстоятельства дела, я пришел к неизбежному заключению, что моя честь требует протеста против Сергея Нечаева: вред, им нанесенный, я никакими средствами исправить не могу; остается протест бессильной злобы. Словесный протест не имеет места против бесчестного дела, оставившего глубокие и неизлечимые последствия; я протестую делом; злоба требует смерти Нечаева, *которым я оскорблен втройне*».

<...> «Как человек, у которого связаны руки, я испрашиваю разрешения от тех, которые надо мною властны, выставляя им следующие шансы, — пишет он далее. — Правительство ищет не смерти, а наказания Сергея Нечаева, но я не верю, чтобы оно могло этого достигнуть. Смерти его достигнуть легко: стоит только взять меня как средство. Обида, им мне нанесенная, глубока и может быть смыта только его или моей кровью; если он будет убит, правительство лишится довольно опасного врага, который в силах вредить ему еще многие десятки лет. С моей же смертью я получаю с лихвой следующее мне воздаяние за мой проступок, но так как в подобном деле мое честное слово уже не может служить гарантией, то правительство имеет полную возможность гарантировать другими средствами мою личность. Я *знаю* Сергея Нечаева: он не побоится поставить свой лоб под дуло. Если я ошибаюсь, я его убью, как собаку. Это для меня жизненный вопрос: если же я не получу испрашиваемого разрешения, объявляю: я воспользуюсь первым же случаем к побегу, с помощью которого я думаю достигнуть того, что недостижимо путем легальным. Сделав дело, *возвращусь*»**.

На заявлении рукой К. Ф. Филиппеуса²³ — заведующего секретной агентурой Третьего отделения — пометка: «Пространно переговорить с Енишерловым. 6 марта 1870 г.».

То обстоятельство, что, оказавшись на свободе, Енишерлов и не попытался осуществить свое намерение, да и сам тон его заявления говорит скорее всего об одном провале в той же нечаевской тактике. <...>

На страницах своих воспоминаний Енишерлов, несколько раз возвращаясь к вопросу о «Катехизисе», упорно настаивает на своем

* Отдел рукописей Гос. библиотеки СССР им. В. И. Ленина. Ф. 100. Г. П. Енишерлов. Воспоминания, т. 1–15, стр. 138.

** «Нечаев и нечаевцы». М., 1931, стр. 142–143.

участии в создании этого документа. Возникает вопрос, сколь достоверны его утверждения? Мемуары написаны им спустя много лет после известных событий. Но ведь Ралли, Успенская и Сажин тоже не сразу писали свои воспоминания.

Рукопись Енишерлова весьма многословна, с изложением многих деталей, с пространным обоснованием его взглядов, с резкой критикой всех проявлений «нечаевщины», от которой он сам отошел, по его словам, под влиянием Томиловой.

В 90-е годы, когда писал он свои воспоминания, был он либералом-постепеновцем, мечтающим о демократических свободах и прежде всего свободе слова при сохранении монархии. Рукопись не предназначалась для публикации, так как автор считал, что если она и сможет увидеть свет, то только тогда, когда «от Петропавловской крепости не останется камня на камне». Была ли нужда ему в этих условиях приписывать себе столь сомнительную честь, как участие в создании «Катехизиса»?

Правдоподобным мне кажется и эпизод с выработкой программных требований, составивших основу «Катехизиса». В обстановке студенческих сходок того времени подобная ситуация вполне могла иметь место. К тому же другие факты, описанные мемуаристом: создание им прокламации для студенчества, поведение его самого и его товарищей по процессу во время следствия, ряд сведений об Орлове, Ралли, Успенской и других участниках движения, — подтверждаются документами, воспоминаниями, судебными отчетами.

Не считая мемуары Енишерлова, как, впрочем, и любые другие? полностью достоверными, я тем не менее полагаю, что их необходимо ввести в круг свидетельств об авторстве «Катехизиса» и истоках Нечаевщины.

Анализ рукописи Енишерлова дает возможность предполагать, что идеи иезуитизма, мистификации, террора по отношению к инакомыслящим — всего того, что принято называть нечаевщиной, в наиболее концентрированном виде было сформулировано в кругу Енишерлова — Нечаева.

Во всяком случае, С. Г. Нечаев явился за границу не с пустыми руками. Очевидно, он привез с собой замысел, а возможно, и текст того документа, который до сего времени вызывает споры среди историков русской общественной мысли.

